

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ КОННЕКТОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА:

не только... но и

© 2016 г. Ольга Инькова

Женевский университет, Женева, Швейцария; Институт проблем информатики ФИЦ ИУ РАН,
Москва, 119333, Российская Федерация
Olga.Inkova@unige.ch

В статье обсуждается проблема описания многокомпонентных коннекторов русского языка на примере коннектора *не только... но и*, обладающего высокой степенью вариативности. Для того чтобы эта проблема получила непротиворечивое и системное решение, автор предлагает разделить концептуальный и языковой уровень анализа коннекторов, соответственно, тип выражаемого логико-семантического отношения и языковые средства, которыми располагает язык для его выражения. Отношение, устанавливаемое *не только... но и*, определяется как отношение неединственности, а минимальной единицей, способной его устанавливать, является частица *не только*. Все остальные связующие средства, образованные на ее основе в сочетании с союзами *а* и *но* и различными частицами, принадлежат не системе языка, а являются речевыми реализациями, зависящими от коммуникативной цели говорящего, предшествующего контекста, смыслового содержания, которое говорящий хочет передать, и выбранной им для этого синтаксической структуры.

Ключевые слова: коннекторы, многокомпонентные единицы, *не только... но и*, отношение неединственности, русский язык, семантика

TOWARDS THE DESCRIPTION OF MULTIWORD CONNECTIVES IN RUSSIAN:

ne tol'ko... no i 'non only... but also'

Olga Inkova

Geneva University, Geneva, Switzerland; Institute of Informatics Problems of the FRC CSC, Russian
Academy of Sciences, Moscow, 119333, Russian Federation
Olga.Inkova@unige.ch

This article discusses the description of multiword connectives in Russian on the example of *ne tol'ko... no i* 'not only... but also', a connective with a high degree of variability. In order to achieve a non-contradictory and systematic solution, the author proposes to separate the two levels of analysis—conceptual and linguistic, i. e. the type of logical-semantic relation and the means that the language has for its expression respectively. The relation established by *ne tol'ko... no i* can be defined as a relation of non-uniqueness; the minimal item capable of expressing it is the particle *ne tol'ko* 'not only'. All other means of connection formed on its basis with the conjunctions *a* 'and/but' and *no* 'but' (and various kinds of particles) do not belong to the system of language: they represent speech realizations dependent on the speaker's communicative purpose, preceding context and semantic content the speaker has chosen for this a type of syntactic structure and intends to express.

Keywords: connectives, multiword expressions, *ne tol'ko... no i*, Russian, relation of non-unicity, semantics

Вводные замечания

Как известно, в русском языке существует большое количество единиц со связующей функцией — коннекторов, — состоящих из нескольких элементов. Их состав может быть различным. Это, с одной стороны, сочетания сочинительного союза с частицами, модальными словами, наречиями (*или может быть, а главное, да и* и др.); а с другой, сочетания сочинительного союза с так называемыми аналогами союза, т. е. единицами, которые не принадлежат к морфологическому классу союзов, но могут выполнять союзную функцию и уже сами часто состоят из нескольких элементов (*но тем не менее, и однако, а кроме того*). Расположение компонентов таких единиц может быть контактным, как в приведенных примерах, но может быть и дистантным; при этом составляющие многокомпонентного коннектора могут находиться как в вводимом им фрагменте текста (1)¹, так и в каждом из соединяемых им фрагментов текста (2). За последними в русской грамматической традиции закрепляется термин «двухместные» или, если связываемых элементов больше, «многоместные союзы».

- (1) Это дорого, *но* «Сапсан» *тем не менее* стал единственным прибыльным пассажирским проектом: по словам главы РЖД Владимира Якунина, его рентабельность достигает 30% [Филипп Чапковский. Миллиардный поток // «Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011];
- (2) *Не то чтобы* диван, *а и* раскладушку не на что купить [Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003].

Многие из таких составных коннекторов отличаются большой степенью вариативности. Прежде всего, в двухместных союзах может варьироваться сочинительный союз, маркирующий второй из связываемых фрагментов текста: чаще всего чередуются союзы *а* и *но*. Союз может также отсутствовать, во многих случаях являясь факультативным, как может отсутствовать и сам второй фрагмент текста. Если взять в качестве примера *не то чтобы*, то в (3), в отличие от (2), второй фрагмент текста вводится союзом *но*; в (4) сочинительный союз отсутствует, а в (5) отсутствует и сам второй фрагмент текста:

- (3) *Не то чтобы* пьяная, *но* явно навеселе [И. Грекова. Перелом (1987)];
- (4) *Не то чтобы* нас это удивляет. Напротив, весьма радует [Юлия Пешкова. Дом мод (2002) // «Домовой», 2002.09.04];
- (5) *И не то чтобы* я об этом думал, про машинистов и эти локомотивы. Это же странно — думать про локомотивы [Евгений Гришковец. ОдноврЕМенно (2004)].

С другой стороны, в случае составных одноместных коннекторов возникают целые парадигмы, образованные с одним их сочинительных союзов. Союз *да*, например, может образовывать такие сочетания: *да и, да еще, да и еще, да еще и, да притом еще и*, причем его составная часть *еще и* может употребляться и без *да*. Вот несколько примеров:

- (6) Последнее XGI пока не удалось, *да и* результаты тестов VolariV 8 Duo Ultra в независимых лабораториях разочаровали многих [Вячеслав Соболев. Есть ли шансы у XGI // «Computerworld», 2004];
- (7) Руль цвета советского флага, *да еще и* с обратной связью [Андрей Сасиновский. Игровые инструменты (2003) // «Stuff», 2003.03.06];
- (8) А потом и узнали, что некий картограф по имени Ричард Чьякки, воистину «владелец тверди земной», шутки ради подправил карту Колорадо, *еще и* назвав гору своим именем [Крапленые карты географии // «Знание — сила», 2003].

И, наоборот, многие конкретизаторы и аналоги союзов могут сочетаться в составе одноместного коннектора с разными сочинительными союзами. Так, например, комплекс

¹ Примеры для данного исследования, за исключением (61), заимствованы из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

еще и может сочетаться не только с союзом *да*, но и с союзом *а*, а коннектор *тем не менее* не только с союзом *но*, как в (1), но и с *а* и *и*. Та же вариативность характеризует, как мы видели, и двухместные составные коннекторы.

Подобные случаи вариативности являются, таким образом, частотными и охватывают все виды многокомпонентных коннекторов. Поэтому возникает закономерный вопрос о категориальном статусе этих вариантов в языке: являются ли они самостоятельными языковыми единицами, стоящими в одном ряду с сочинительными и подчинительными союзами, многие из которых также являются составными, идет ли речь о свободных сочетаниях коннекторов, наконец, где проходит граница между этими двумя явлениями?

Данная проблема очень мало изучена в современной лингвистике (см. рассуждения об этом в [Fraser 2013]), но для русского языка была поставлена давно, в статье 1977 г. А. Ф. Прияткиной «Об отличии союза от других связующих слов». Некоторые из аспектов данной проблемы были рассмотрены в монографии [Черемисина, Колосова 2010], дающей единственный на сегодняшний день опыт структурного описания совокупности связующих средств русского языка. Т. М. Николаева [1985; 2008] показывает, что многие русские дискурсивные маркеры, часто воспринимаемые как неразложимые в современном языке, строятся по принципу «калейдоскопа» из одних и тех же элементов («блуждающих частиц»), но каждый раз в разных сочетаниях и представляют собой ‘готовые к употреблению’ многокомпонентные языковые единицы. Можно, например, выделить серию с *ли* (*либо, или, то ли... то ли* и др.) или с *то* (*а то, не то, то... то..., то ли... то ли..., зато* и др.). В. Н. Завьялов [2009] на основе существующих классификаций рассматривает структуру многокомпонентных союзов в узком смысле этого термина.

Однако многие из полученных на сегодняшний день результатов либо не отвечают напрямую на сформулированные выше вопросы, либо предлагают решения, которые не могут считаться удовлетворительными на современном уровне лингвистического знания. Так, предлагаемое в [РГ-80, I: § 1671] решение рассматривать коннекторы типа *и потому, но зато, или иначе* как сочетания сочинительных союзов, имеющих абстрактное значение, и конкретизаторов, которые «подключаются к союзу и уточняют его значение», отчасти объясняет функционирование и статус таких сочетаний, но оставляет нерешенным вопрос о критериях определения того или иного сочетания как самостоятельной языковой единицы. Та же РГ-80 [I, § 1671] уточняет, например, что в некоторых случаях «конкретизатор, подключаемый к простому союзу, становится компонентом составного союза», приводя в качестве примера *а именно* и *а также*. Но, если первый в современном русском языке действительно функционирует всегда как единый союз, не допускающий никаких изменений своей формы, во втором случае элемент *также* может выступать в качестве самостоятельного коннектора с тем же значением, но в других синтаксических условиях. Например, в (9) *также* устанавливает отношение между двумя самостоятельными предложениями, в (10) *а также*, которое всегда занимает начальную позицию, соединяет части сложного предложения, тогда как в (11) тот же показатель соединяет однородные члены в составе простого предложения:

- (9) Стандарт IDEF 5 позволяет наглядно и эффективно разрабатывать, поддерживать и изучать онтологию. Для описания онтологии применяются *также* языки и модели, предназначенные для структурной и семантической разметки Web-документов [С. Г. Керимов. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // «Информационные технологии», 2004];
- (10) Для описания онтологии предложены специальные языки (OIL), *а также* используются стандартные языки (XML) и модели (RDF), предназначенные для описания метаданных [С. Г. Керимов. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // «Информационные технологии», 2004];
- (11) При ЗПР часто наблюдается отставание в развитии речи, *а также* достаточно стойкие фонетико-фонематические нарушения и расстройства артикуляции [Л. А. Захирина, Н. Ф. Бережная. Особенности развития старших дошкольников при перинатальной патологии ЦНС // «Вопросы психологии», 2004].

Как рассматривать эти два коннектора: как два самостоятельных или как варианты одного коннектора с различной синтаксической дистрибуцией? В таком случае можно утверждать, что вариант *также* служит для связи самостоятельных предложений, вариант *а также* для связи частей сложного предложения и однородных членов в простом предложении. Однако *также* может сочетаться и с союзом *но*, часто с явно выраженным противительным оттенком значения (ср. в этом отношении (12) и (13)), но в тех же синтаксических условиях, что *а также*:

- (12) Четвертый тип характеров: исполнители, полностью равнодушные к догме, идеям, философии, *но также* чуждые и аналитических способностей [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)];
- (13) Он угадывал их тайные желания, ему были открыты их страсти, пороки, все знал, что было скрыто в них, *но также* и доброе [М. А. Булгаков. Театральный роман (1936—1937)].

Возникает, следовательно, вопрос о взаимном статусе этих трех показателей связи: *также*, *а также* и *но также*, а в случае последних двух, вопрос о вхождении в их состав частицы *и*, которая часто употребляется во вводимом им фрагменте текста. Например, Завьялов [2009: 284] считает исходной формой *а также и*, тогда как *также и*, *а также* и *также* рассматриваются как редуцированные варианты этой исходной формы, что, на наш взгляд, представляется довольно спорным. В. Ю. Апресян, О. Е. Пекелис [2011] в списке союзов дают единственную форму *а также*.

Еще более сложно решить данный вопрос в случае парадигмы, образованной на основе союза *да*: *да*, *да и*, *да еще*, *да еще и*, *еще и* (см. примеры (6)—(8) выше). Считать ли члены данной парадигмы составными союзами или сочетанием союза и конкретизатора, учитывая тот факт, что они могут быть отделены от союза *да* другими словами, входящими в состав предложения?² Ср. для *да и еще* (14), где *еще* отделено от *да и* прилагательным *мокрый*:

- (14) Разве это табак... Да и мокрый еще... [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943—1958)].

И в том и в другом случае остается нерешенным вопрос о том, каков статус этих образований по отношению к простому союзу *да*, так как так называемый конкретизатор не только уточняет значение простого союза, но и накладывает определенные структурные ограничения на окружающий его контекст и часто не может быть опущен без нарушения приемлемости высказывания. Так, в (14) невозможно опустить элемент *еще*.

В связи с развитием корпусной лингвистики, созданием аннотированных корпусов и надкорпусных баз данных вопросы об определении линейных границ многокомпонентных коннекторов, об их исходной форме и ее варьировании, о статусе многокомпонентных единиц и их вариантов в системе языка приобретают особую актуальность [Инькова 2015]. В настоящем исследовании предлагается рассмотреть эту проблематику на примере коннектора *не только... но и*. Наш выбор обусловлен, с одной стороны, тем, что эквивалентные русскому коннектору единицы существуют во многих языках (ср. для английского *not only... but also*, для немецкого *nicht nur... aber auch*, для французского *non seulement... mais aussi*, для итальянского *non solo... ma anche* и т. д.) и часто приводятся в качестве примера многокомпонентной языковой единицы (ср., в частности, [Мельчук 2001; Мустайоки, Копотев 2004; Svensson 2012]). С другой стороны, этот коннектор обладает высокой степенью вариативности своей формы при устойчивости значения, что ставит под сомнение его статус лексемы или «фраземы», решение, предлагаемое в [Мельчук 2001] и [Мустайоки, Копотев 2004]. Наконец, требует уточнения и его семантика.

² Из всех перечисленных вариантов Н. И. Формановская [2007: 21], например, выделяет только два «связочных средства»: *да и* и *и еще*, но не упоминает ни *еще и*, ни другие возможные комбинации из этих элементов.

Рассмотрение этих вопросов мы начнем с описания формальных и семантических свойств *не только... но и* в существующих на сегодняшний день грамматиках и исследованиях (раздел 1), что позволит нам определить его категориальный статус в системе языка (раздел 2).

1. Формальные свойства и семантика *не только... но и* в грамматиках и исследованиях

В русской грамматической традиции *не только... но и* относится к двухместным сочинительным союзам (см. среди прочих [Крючков, Максимов 1977: 24; РГ-80, II: § 3153; Белошапкова 1997: 599; Санников 2008: 314; Завьялов 2009: 119]). Что касается его внутренней формы, то, согласно [РГ-80 I, § 1681], этот коннектор построен по схеме «союз — союз». Квалификация элемента *не только* как союза (ср. также [Ефремова 2004]) представляется, однако, довольно спорной³. Более адекватно, на наш взгляд, считать *не и только* частицами [Богуславский 1996: 396; Формановская 2007: 42; МАС].

Обращение к данным НКРЯ позволяет констатировать, что состав этого коннектора отличается высокой степенью вариативности. Этот факт отмечается и в исследованиях, специально посвященных данному коннектору, например, [Варнаева 2000; Дровникова 1980; Киселева 1967]. Об этом же свидетельствует и форма его представления в РГ-80 [I, § 1671]: *не только — но и (но также, но еще, но притом, но к тому же); не только — а еще (а также, а кроме того, а притом еще); не только не — но даже*. К перечисленным вариантам можно добавить и много других. Так, варианты *не только... но также, не только... но еще* могут включать в свой состав частицу *и*, как в (15) и (16); *и*, напротив, *не только... но и*, форма, фигурирующая как «исходная» в грамматиках и словарях, может употребляться без нее (17):

- (15) Речь идет о том, что в области *не только* гуманитарных, *но также и* естественных наук наблюдаются обращения к явлениям психики [Е. А. Климов. Психология в XXI веке // «Вопросы психологии», 2003];
- (16) Ей устроили овацию *не только* в зрительном зале, *но еще и* в фойе, куда певица вышла пообщаться с публикой [Новости культуры (2002) // «Сочи», 2002.08.22];
- (17) Он *не только* придаст глянец, *но будет* препятствовать накоплению пыли на листьях [Татьяна Булгакова. Цветочная «косметичка» (2003) // «Сад своими руками», 2003.01.15].

Кроме того, второй фрагмент текста может быть никак не маркирован (18), а может и вообще отсутствовать (19):

- (18) Ею могут пользоваться *не только* художники-прикладники, она доступна и целесообразна для занятий в школьных мастерских [Константин Скворцов. От кубка до рыцарского шлема // «Народное творчество», 2004];
- (19) Необходимо и сильное лоббирование, причем *не только* парламентское, со стороны предпринимателей с целью снижения единого социального налога. Иначе ничего сделать не удастся [Денис Викторов. Стена (2003) // «Бизнес-журнал», 2003.10.23].

Наконец, порядок следования соединяемых фрагментов текста может быть обратным, т. е. *не только* маркирует второй фрагмент текста, который в этом случае вводится союзом

³ В эту группу, где соединены «два функционально близких, но формально различных элемента», попадает, впрочем, и *не... а*, где первый элемент является отрицательной частицей, вместе с *хотя... но и если и ... но*, структура которых действительно соответствует определению «союз — союз». А вот *не то чтобы... но* попадает в другую группу соединений, построенных по схеме «союз — союз», а именно в союзы, где соединены «два семантически и формально различных элемента» [РГ-80, I: § 1681], хотя функционирование первых компонентов *не только... но и* и *не то чтобы... но* очень похоже.

a (20) или при помощи бессоюзной связи, как в (21), где в первой части высказывания употреблен коннектор *не только... но и*, а во второй, после тире, с обратным порядком следования фрагментов текста, второй фрагмент маркирован *не только*:

- (20) Число молодых россиян, стремящихся получить высшее образование, оказывается значительным во всех слоях общества, *а не только* среди богатых [Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рошина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005];
- (21) *И не только* в производство автомобилей, *но и* комплектующих нового поколения — их собираются устанавливать на все модели, *не только* на новые [Петр Меньших, Владимир Каданников. В Тольятти придут инвесторы... (2003) // «За рулем», 2003.05.15].

Возможность изменить порядок следования фрагментов текста, один из которых маркируется *не только*, противоречит утверждению В. А. Белошапковой [1997: 598] о том, что данный коннектор, хотя и представляет собой такую последовательность, части которой похожи на самостоятельные лексемы, не имеет, тем не менее, релевантных признаков словосочетаний: части рассматриваемой единицы «имеют строго фиксированный порядок следования». Заметим также, что элементы *но* и *и* могут быть разделены другими словами, к примеру, в (22) это предикат «отражает»:

- (22) Фраза значима *не только* с точки зрения советского администрирования Нового года, *но* отражает *и* общие новогодние чаяния [Олег Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? // «Отечественные записки», 2003].

Такая ситуация заставляет некоторых исследователей представлять коннектор *не только... но и* в форме *не только... но <и>* [Формановская 2007: 42] или *не только... (но и)* [Санников 2008: 314]. Другие, наоборот, рассматривают различные варианты данного коннектора как самостоятельные лексические единицы; ср., например, [Рогожникова 1971], где таким образом трактуются *не только... но и* и *а не только*.

Существует также традиция трактовать двухместные союзы как идиоматические, устойчивые сочетания, фразеологизмы ([Виноградов 1947; Шведова 1960; Шмелев 1960; Всеволодова, Лим 2002; Аверина 2004; Панкова 2007; Дудко 2008] и др.). Так, в одном из недавних исследований [Мустайоки, Копотев 2004], связанных как раз с проблемой разработки аннотированных корпусов, *не только... но и* охарактеризован как «фразема». Авторы статьи опираются на определение «фраземы», предложенное И. А. Мельчуком:

Комплекс X , образованный из сегментных знаков X_1, X_2, \dots, X_n , называется фраземой, если, по крайней мере, один из трех компонентов этого комплекса (т. е. его означаемое, означающее или синтактика) не представим в терминах соответствующих компонентов знаков X_1, X_2, \dots, X_n , в то время как два других его компонента представимы в терминах соответствующих компонентов знаков X_1, X_2, \dots, X_n [Мельчук 2001: 448].

Для квалификации той или иной языковой единицы как фраземы важно также иметь в виду, что фраземы «не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [ЛЭС: *Фразеологизм*]. Легко заметить, и это признают авторы статьи [Мустайоки, Копотев 2004: 99], что семантика *не только... не* вполне укладывается в сумму значений входящих в него элементов⁴. Основанием для его отнесения к фраземам, точнее к «сочетаемым полумфраземам» [Там же: 100], является ограничение синтаксическое: «элементы, которые попадают под выделение, должны принадлежать к одному синтаксическому

⁴ К противоположному выводу приходит А. Е. Варнаева [2000: 63], считая, что значение *не только... но и* «достаточно идиоматично». Автор исходит, правда, из того, что данный коннектор является градационным и противопоставляет данное и новое, а этих значений действительно нет у составляющих его элементов.

классу», ограничение, которое нехарактерно для свободного употребления союза *но*. В качестве примера приводится неприемлемость высказывания **Работать не только необходимо, но и отдыхать*. Можно заметить, что данное высказывание в равной степени неприемлемо и с *но* (**Работать необходимо, но отдыхать*), но дело здесь не столько в синтаксической структуре, сколько в актуальном членении высказывания и в семантике отношения, которым связаны его части (ср. разную степень приемлемости ^{??}*Необходимо работать, но отдыхать* и [?]*Необходимо работать, но и отдыхать*).

Кроме того, симметричность частей, обусловленная принадлежностью элементов, соединяемых *не только... но и*, к одному классу, весьма относительна. См. (22) выше, где *не только* сдвинуто вправо по сравнению со стандартной конструкцией (должно было бы соединять *не только* значима..., *но и* отражает...), и (23), где оно сдвинуто, наоборот, влево (общий глагол *обновить* должен был бы стоять перед *не только*):

- (23) Ведь весна — отличный повод для того, чтобы *не только* обновить гардероб, прическу, *но и* интерьер [Преврати свой дом в цветущий сад! // «Даша», 2004].

О такого рода нарушениях симметрии частей, соединяемых двухместными союзами, хорошо известно; ср., например, [Ковтунова 1976: 124—125; Клопова 1986; Богуславский 1996: 390; 2010; Варнаева 2000: 50 и сл.; Сигал 2004: 267—271]. Они реально существуют, ими активно пользуются говорящие, хотя оценка степени их приемлемости может быть различна у носителей языка. По мнению И. М. Богуславского [2010: 243], нарушения симметрии не настолько велики, чтобы вывести подобные конструкции за рамки грамматической правильности. Кроме того, повышение синтаксической позиции первого компонента союза не всегда приводит к более прозрачному построению высказывания и не облегчает его понимание. Ср. пример неудачной попытки поставить первый компонент *не только* на 'свое место', который приводит Богуславский [Там же: 246]:

- (24) Молодой драматург А. Буравский написал пьесу «Говори...» *не только* по мотивам очерков «Районные будни», *но и* вплел в ее сюжетную ткань страницы биографии их автора, используя его дневники и записные книжки («Досуг в Москве») ⇒ Молодой драматург А. Буравский *не только* написал пьесу «Говори...» по мотивам очерков «Районные будни», *но и* вплел в ее сюжетную ткань страницы биографии их автора.

Не только стояло 'на своем месте' именно в первоначальном варианте — при выделяемом, наиболее значимом слове, создавая таким образом единство парадигмы элементов, использованных автором пьесы: с одной стороны, мотивы очерков, а с другой, страницы биографии их автора. Н. И. Формановская [2007: 43] отмечает, что первая часть (*не только*) двухместного союза «обладает свойствами выделительной частицы, подчеркивающей то или иное слово». Поэтому она может располагаться «при слове сопоставляемом, сравниваемом и при этом выделяемом».

В некоторых случаях симметричная конструкция невозможна по синтаксическим причинам; ср. (25) с грамматичным (26):

- (25) И вот в этом воздухе, который *не только* нас окружает, *но* который мы в себя вдыхаем [...] [Евгений Гришковец. ОднорЕмЕнно (2004)];

- (26) *И вот в этом воздухе, *не только* который нас окружает, *но* который мы в себя вдыхаем [...].

Таким образом, асимметричная конструкция представляет собой «грамматикализованный, узаконенный системой языка путь разрешения некоторых конфликтов» [Богуславский 2010: 269], возникающих, когда на чисто синтаксические факторы построения высказывания накладываются факторы другого рода: семантические, сочетаемостные, коммуникативные. Поэтому критерий принадлежности соединяемых элементов к одному синтаксическому классу не может рассматриваться как определяющий для квалификации *не только... но и* даже как «полуфраземы». Кроме того, квалификация коннекторов типа *не только... но и* как фразем оставляет нерешенным вопрос о категориальном статусе его разнообразных вариантов.

Что касается семантики *не только... но и*, то среди лингвистов нет единства в вопросе о том, к какой семантической группе союзов его следует относить. Его причисляют к соединительным [Шахматов 1941: 505; Руднев 1963: 229; РГ-70: 640], к противительным [Петерсон 1952: 442; Гвоздев 1953: 140; Киселева 1967: 128], к отрицательно-утвердительным [Попов 1975], а в последнее время к так называемым градационным союзам на том основании, что информация, содержащаяся во втором фрагменте текста, более значима (в частности, [Крючков, Максимов 1977: 24; РГ-80, II: § 3153; Япон 1986: 99; Белошапкина 1997: 599; Колесникова 1999: 37; Варнаева 2000; Згурская 2000; Сигал 2004: 142—145; Санников 2008: 314—315; Апресян, Пекелис 2011]). Формановская [2007: 42], относя этот коннектор к способам выражения сопоставления, тем не менее, отмечает у него «оттенок градационного значения: при его помощи можно подчеркнуть преимущественное значение одного из сопоставляемых явлений».

В. З. Санников, признавая в целом такую формулировку, связывает значение *не только... но и* с понятием нормы. С его точки зрения, правильнее говорить «не о большей важности второго компонента, а о существенном отклонении от нормы» [Санников 2008: 314]. Но если такое определение применимо для *не только... но и* в сопровождении, например, частицы *даже*, которая предполагает шкалу «ожидания», на которой маркируемый компонент занимает последнее место (27), то она неприемлема, например, для (28), где, наоборот, содержание второй части описывает ‘нормальную’ со всех точек зрения ситуацию: мы вдыхаем воздух.

- (27) Оказывается, что в радиусе 3 километров во всех магазинах начисто сметены *не только* все «батарейки» и другие энергетические напитки, *но даже* обычная кола — Мосмарт готовится к открытию [Запись LiveJournal (2004)];
- (28) И вот в этом воздухе, который *не только* нас окружает, *но* который мы в себя вдыхаем, — [...] проникают постоянно бесконечные радиоволны и телевизионные волны, какие-то сигналы космической связи [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)].

Против определения значения союза *не только... но и* как градационного («при сопоставлении подчеркивается большая важность второго однородного члена по сравнению с первым») явно выступают, пожалуй, только авторы вузовского учебника [Галкина-Федорук и др. 2009: 79], отмечая, что для этого нет «достаточных оснований». Авторы относят *не только... но и* к союзам сопоставительным, считая его синонимичным *как... так и*, но не приводят, однако, своих доводов. Можно, тем не менее, заметить, что большая значимость [РГ-80, II: § 3154] второго компонента заложена уже в семантике самого союза *но*, свойство, которое он проявляет и в противопоставительных структурах. Кроме того, само выделение градационных союзов в самостоятельный семантический класс вызывает возражения [Санников 2008: 318; Завьялов 2009: 120, сн. 1; Инькова 2013].

Высокая степень структурной вариативности данного коннектора позволяет предположить, что выбор языкового оформления второго компонента (т. е. выбор союза или его отсутствие, выбор и количество частиц, порядок следования соединяемых фрагментов текста) диктуется, по-видимому, не столько грамматическими законами, сколько законами дискурсивными, иначе говоря, коммуникативным заданием говорящего и структурой текста. В этой связи возникает необходимость, с одной стороны, определить исходную форму данного коннектора (на этот статус может претендовать *не только*), а с другой, определить семантику отношения, устанавливаемого между двумя положениями вещей при помощи исходной формы, а также в разнообразных ее сочетаниях с союзами и частицами.

2. Предлагаемые решения

Для языковых единиц, подобных *не только... но и*, имеющих высокую степень варьирования формы, представляется продуктивным и обоснованным развести понятийный и языковой уровни семантического анализа. В случае коннекторов, это, с одной стороны,

тип логико-семантического отношения, который они устанавливают, а с другой, языковые средства, которыми располагает тот или иной язык для выражения данного отношения⁵.

2.1. Тип выражаемого *не только... но и* логико-семантического отношения

Рассмотрим следующий пример, чтобы определить семантический вклад *не только... но и* в значение высказывания:

- (29) Это блюдо характерно *не только* для эстонской, *но и* для финской кухни [Рецепты национальных кухонь: Эстония (2000—2005)].

Первый компонент коннектора — *не только* — состоит из двух элементов: отрицания *не* и частицы *только*. Отрицание является здесь не дескриптивным, а полемическим (в терминологии О. Дюкро [Ducrot 1984]): говорящий оспаривает возможную точку зрения слушающего, основанную на присутствующей в контексте информации или на общих для говорящего и слушающего фоновых знаниях, утверждая, что эта точка зрения не соответствует действительности. В данном случае, исходя из того, что книга посвящена рецептам Эстонии, это может быть представление о том, что описанный рецепт является чисто эстонским.

Полемическое отрицание естественным образом создает у слушающего ожидание некоторого продолжения. В большинстве случаев, таким продолжением является текстовый ход коррекции [Инькова-Манзотти 2001: глава VII]. Он вводится в русское либо при помощи бессоюзной связи (как в (31) ниже), либо союзами *а* или *но* (ср. известное булгаковское *Это не кот, а бандит*, и с этой точки зрения *не... а* принято рассматривать в русской лингвистической традиции как двухместный союз). Но в нашем высказывании в сферу действия отрицания попадает лишь частица *только*. Отрицается, следовательно, не все положение вещей («это блюдо характерно для эстонской кухни»), а только единственность элемента, который попадает в сферу действия частицы *только*. Т. П. Ломтев [1971: 113] справедливо называет *не только* «квантитативом неединственности». Этим и объясняется то не столько синтаксическое, сколько семантическое ограничение, о котором говорится в [Мустайоки, Копотов 2004: 100]: принадлежность попадающих под выделение элементов в один класс. Но накладывает его именно *не только*, а не весь коннектор. Это хорошо видно и при бессоюзной связи фрагментов текста, в первой из которых находится *не только*:

- (30) Теперь она *не только* молодая красивая женщина, фотомодель и звезда — она мама, она хозяйка счастливого дома [Инна Гомес: на Острове в сосновом бору (2004) // «Homes & Gardens», 2004.04.16].

Употребление в первом фрагменте текста *не только* перед «молодая красивая женщина, фотомодель и звезда» готовит слушающего к тому, что в продолжении будут перечислены элементы, характеризующие подлежащее «она» и которые, следовательно, можно объединить в множество качеств женщины.

Что касается второго компонента коннектора в анализируемом нами примере (29): *но и*, то он традиционно считается составным союзом и может употребляться самостоятельно,

⁵ Хотелось бы уточнить, что речь не идет о семантических классах языковых единиц, составляющих лексическую систему того или иного языка, куда попадают единицы с различными функциональными свойствами, но объединенные общим значением (так, семантический класс неединственности включил бы в себя также существительные *множество*, *элемент*, глагол *включать*, *добавлять*, местоимения *многие*, *один из* и др.). Термин «логико-семантические отношения» используется для отношений, которые устанавливают между двумя фрагментами текста коннекторы, т. е. языковые единицы, выполняющие связующую функцию (определение коннектора см. в работе [Инькова-Манзотти 2001: глава I]). Эти отношения в литературе по данному вопросу называются также «риторическими», «дискурсивными», однако мы отдаем предпочтение термину «логико-семантические отношения», поскольку первые два связываются с когнитивным подходом к данной проблематике.

устанавливая «противительные-соединительные отношения» ([РГ-80, II: § 2077]: *Они смотрели не него без злости, но и без дружелюбия*), т. е. добавляя информацию к уже сказанному⁶. Его семантика, следовательно, вполне согласуется с семантикой неединственности первого компонента коннектора: *не только*. Таким образом, первый компонент двухместного коннектора *не только... но и* отрицает единственность маркируемого им элемента, а второй компонент вводит еще один элемент, принадлежащий к тому же множеству (подробнее о соотношении семантики частей данной семантической структуры см. ниже).

Итак, логико-семантическое отношение, выражаемое *не только... но и*, можно определить как отношение включения элемента во множество⁷. Этот тип отношения входит в довольно плохо изученную группу отношений, основанных на соотношении элемента и множества или части и целого и для которых мы предлагаем термин «мереологические отношения», следуя в этом за Ч. Пирсом [Peirce 1981]. В эту же группу входят отношение обобщения, или генерализации (*вообще*), и симметричное ему отношению спецификации (*например, особенно, в частности*), а также отношение, симметричное отношению включения элемента во множество, — исключение элемента из него (*кроме, за исключением*).

В отличие от отношения коррекции (*не... а*), при отношении включения во множество, выражаемого *не только... но и*, одно положение вещей, истинность которого отрицается, не замещается другим, а добавляется к нему. Данный вид отношения включения во множество можно определить как отношение неединственности, поскольку отрицание перед *только* показывает лишь, что элементом, который эта частица маркирует, множество не исчерпывается. Ср. в этом отношении (29) и (31) с отношением коррекции:

- (31) Они любили друг друга *не* из неизбежности, *не* «опаленные страстью», как это ложно изображают. Они любили друг друга потому, что так хотели все кругом: земля под ними, небо над их головами, облака и деревья [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945—1955)].

Здесь отрицаемая в первом предложении «ложная» причина замещается в следующем высказывании причиной истинной, тогда как в (29) с отношением неединственности не отрицается тот факт, что блюдо является эстонским, а утверждается, что элементом «эстонская кухня» состав множества не ограничивается и что в него надо также включить элемент «финская кухня».

2.2. Средства выражения отношения неединственности в русском языке

На приведенных выше примерах (18), (21) и (30) мы уже могли убедиться в том, что отношение неединственности не обязательно выражается коннектором *не только... но и*. Он является лишь одним из возможных средств его оформления, а сам выбор этих средств

⁶ Ср. очень точное замечание М. В. Ляпон [1986: 99] о том, что в составе союза *не только... но и* «противительная сема редуцирована актуализацией “и-отношения”, иначе соединение двух семантических антагонистов (но + и) было бы коммуникативно неоправданным». Рогожникова [1971: 85] подчеркивает, что именно *и* создает «значение сопоставления». См. также [Завьялов 2009: 88—89], который вслед за Сигалом [2004: 143] видит функцию сочинительного союза *но и* в присоединении синтаксически однородного компонента с нейтрализацией противительной семантики. В принципе — и на это есть веские основания — *но и* можно было бы рассматривать как сочетание союза *но* и частицы *и*, так как его семантика вполне укладывается в семантику этих двух составляющих его элементов. Но это предмет отдельного исследования.

⁷ Ср. схожую точку зрения в [Морковкин 1997] и [Сигал 2004: 143]. Варнаева [2000: 30, 81—82, 167] также говорит о том, что семантика данного коннектора опирается на отношение части и целого или элемента и множества и схожа с семантикой предлогов *кроме, сверх, помимо, наряду с*. Вместе с тем, семантическая трактовка любого показателя сочинения на уровне простого предложения как способа «синтаксической репрезентации идеи множества в той или иной ее когнитивной интерпретации» [Сигал 2004: 60] представляется нам слишком широкой для описания логико-семантических отношений между высказываниями.

определяется целым рядом факторов. В (30), например, говорящий ограничился одним *не только*, а единство конструкции, выражающей отношение неединственности, обеспечивается здесь синтаксическим параллелизмом частей, кореферентностью подлежащих, принадлежностью именных частей сказуемых к одному семантическому классу. Необходимо поэтому, прежде всего, определить те семантические условия, при которых между двумя фрагментами текста возможно установить отношение неединственности.

2.2.1. Соотношение семантики фрагментов текста, связанных отношением неединственности

Соотношение семантики фрагментов текста, связанных отношением неединственности, может быть трех типов:

- 1) второй из соединяемых фрагментов текста описывает еще один элемент того же множества;
- 2) второй из соединяемых фрагментов текста описывает множество, к которому относится элемент, указанный в первом фрагменте;
- 3) второй из соединяемых фрагментов текста описывает само множество минус названный в первом фрагменте текста элемент.

В первом случае соединяемые фрагменты текста находятся в семантических отношениях синонимии, как в (32), где она устанавливается на уровне предикативного признака «иметь табличку с названием», приписываемого объектам «клетки» и «растения»; антонимии (33): «страдать», «гневаться» vs. «шутить»; со-гипонимии (34): «тела», «лица», «прически», «позы» восходят к единому гиперониму «внешний вид человека».

- (32) Кстати, таблички есть *не только* на клетках — многие красивые, останавливающие наш взгляд, растения *тоже* «подписаны», и папа на вопрос ребенка — «Что это за красные ягодки?» больше не говорит, стыдливо отворачиваясь: «Это я потом тебе расскажу...» [О. Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003];
- (33) Он *не только* страдает или гневается, *но и* шутит [Григорий Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир (1962)];
- (34) Я запомнил *не только* их голые тела, *но и* их красивые лица, и прически, и позы [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)].

В данной семантической конфигурации связываемые фрагменты текста могут также относиться к одному семантическому классу, как в (30) выше, или описывать явления, относящиеся к одной парадигме (35).

- (35) Конечно, американские студенты будут стремиться вести здоровый образ жизни, если *не только* все тренажеры бесплатные, *но* бесплатные занятия по теннису или конному спорту [Ольга Панфилова. Америка от А до Я (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.03.20].

В этом примере во фрагментах текста, соединяемых *не только... но*, описываются виды спортивных занятий, входящие во множество «бесплатные».

Во второй семантической конфигурации, т. е. в том случае, когда во втором из соединяемых фрагментов текста описывается множество, к которому принадлежит элемент, указанный в первом фрагменте, между фрагментами имеет место отношение гипо-/гиперонимии. Во фрагменте, описывающем множество, часто присутствуют языковые единицы с семантикой общего и целого: *вообще, в целом; весь, любой* + N категоризатор.

- (36) А вот Петтит — новичок *не только* в открытом космосе, *но и вообще* в космонавтике [Сергей Лесков. Наш космонавт здоров, но в космос не выйдет (2003) // «Известия», 2003.01.08];
- (37) Оборонная безопасность должна обеспечиваться *не только* военной силой, *а всеми* силами и средствами государства по следующим основным направлениям [Махмут Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия // «Отечественные записки», 2003];

- (38) Под этими вечными строками с готовностью подписался бы *не только* Пушкин, *но и любой поэт* мира [Валерий Сердюченко. Антипушкин (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.08.31].

Наконец, в третьей семантической конфигурации, т. е. когда второй из соединяемых фрагментов текста описывает само множество минус названный в первом компоненте элемент, названию множества предшествуют местоимения *другой, многие другие, все остальные* и подобные.

- (39) Учитывается *не только* группа крови, *но еще* куча всяких характеристик [Вероника Стрельникова. Опять акробатика, милый? // «Даша», 2004];
- (40) В некоторых случаях описанные выше агрегаты сложены *не только* натролитом, *а и другими* изоструктурными с ним *минералами* [А. А. Антонов. Минералогия родингитов Баженовского гипербазитового массива (2003)].

В (39), несмотря на то, что «группа крови» является одной из принимаемых во внимание характеристик, частица *еще* представляет этот элемент, как не учтенный во множестве «куча всяких характеристик», но входящий в него. В (40) в первом фрагменте назван элемент «натролит», а во втором — множество, к которому он относится («изоструктурные с ним минералы»), но это множество, из-за присутствия местоимения *другой* и определения «изоструктурными с ним», не включает элемент «натролит».

2.2.2. Порядок следования фрагментов текста, соединенных отношением неединственности

Немаловажным для описания функционирования показателей отношения неединственности является тот факт, что *не только* маркирует всегда то положение вещей, которое уже известно слушающему, т. е. имеет статус данного. При использовании семантической структуры с маркированным *не только* первым фрагментом текста, содержащаяся в нем информация, как правило, уже присутствует в предшествующем контексте и находится от него в непосредственной близости. Маркируемый *не только* фрагмент повторяет ее: это может быть, например⁸, точный повтор (41) или использование однородных слов (42):

- (41) И сейчас у меня есть возможность *объяснить*, чего я хотел. И *не только объяснить*, *но и* чтобы стало слышно, как я пою, как Элвис [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)];
- (42) Одни видят всю жизнь разрезанной *на куски, на кусочки*, и *не только эту кусочность* принимают, *но и* сами еще с усердием готовы дробить жизнь [коллективный. Зеленая Лампа. Беседа V. Обсуждение доклада Г. В. Адамовича // «Новый корабль», № 4, 1928].

Порядок следования компонентов определяется, таким образом, динамикой текста, и его в данном случае нельзя изменить, не нарушив связности текста: повтор информации служит отправной точкой для добавления новой.

При мене местами соединенных фрагментов текста говорящим сначала сообщается новое, а затем данное. Такой порядок возможен в тех случаях, когда известная информация либо не присутствует в тексте, являясь частью фоновых знаний говорящего и слушающего (43), либо находится в предыдущем контексте на значительном от нее расстоянии (44):

- (43) И еще чем важен фактор местного самоуправления — это та самая практика конкретных дел, то, на чем в свое время сделала популярность польская «Солидарность». Надо что? Деревья посадить, мусорный бак поставить, помочь кому-то с установкой телефона, — в общем, решить какие-то малые, но реальные проблемы граждан. Тогда люди скажут: вот они коммунисты — делают правильные вещи, *а не только* на митинги ходят и «провоолашают» [Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! (2003) // «Завтра», 2003.08.22];

⁸ О типах повтора предшествующей информации в элементе, маркируемом *не только*, см. [Распопов 1970: 105—109; Варнаева 2000: 152; Сигал 2004: 146].

- (44) **Богатые** считают качественное и непрерывное образование и профессионализм важнейшими факторами достижения успеха и статусными признаками богатства. Наверное, в масштабах всего населения, без деления на возрастные группы, так оно и есть. Но если проанализировать отдельно взгляды молодого поколения на роль образования, то связь образовательной активности с материальным благосостоянием уже не будет столь тесной. Число молодых россиян, стремящихся получить высшее образование, оказывается значительным во всех слоях общества, *а не только* среди **богатых** [Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рошина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005].

Интересен в этом отношении следующий пример, где в пределах одного высказывания мы имеем два разных порядка следования фрагментов текста, связанных отношением неединственности.

- (45) Что касается принципа «существенны только согласные», то сами авторы дают по этому поводу следующее разъяснение: «В древних текстах названия и имена сплошь и рядом употреблялись “без огласовок”, т. е. без гласных — лишь в виде “костяка” из согласных [...]». В этих письменностях действительно в наиболее употребительном варианте письма записываются именно согласные [...], хотя все же наряду с некоторой частью гласных. Уточним, что это касается всех вообще слов, *а не только* названий и имен, и происходит отнюдь *не только* в древних текстах, *но и* теперь [А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000].

В первом случае фрагмент текста, маркированный *а не только*, находящийся во второй позиции, как бы напоминает информацию, сообщенную в предыдущем контексте, а именно в цитате анализируемых А. А. Зализняком авторов. Говорящий сначала вводит множество («все вообще слова»), а затем элемент этого множества («названия и имена»), отсылая слушающего к позиции авторов, с которыми полемизирует относительно того, что правила письма без гласных распространялись только на названия и имена. Это полемическое напоминание тем более необходимо, что данная информация при первом ее упоминании находится в позиции темы, т. е. вне коммуникативного фокуса. Во втором случае, где фрагмент, маркируемый *не только*, находится в первой позиции, отношение неединственности является наоборот коммуникативным центром высказывания: его показателю *не только* предшествует выделительная частица *отнюдь*⁹. Семантическое соотношение фрагментов текста тоже другое: речь идет о двух элементах одного множества («древние времена» и «теперь»).

Возникает закономерный вопрос: как трактовать показатели отношения неединственности при этих двух порядках следования фрагментов текста: как вариант одного коннектора или как разные языковые единицы? И какой категориальный статус имеет *не только* при отсутствии союзного элемента, как в (18) выше, где второй фрагмент никак не маркирован, и в (21) выше, где второе употребление *не только* с меной порядка следования фрагментов текста, также характеризуется отсутствием союза?

2.3. Категориальный статус языковых средств выражения отношения неединственности

В русской грамматике нет четкой и непротиворечивой квалификации явлений структурного варьирования связующих средств, в частности, двухместных коннекторов, для которых проблема тождества форм с различными конечными компонентами остается нерешенной. РГ-80 [I: 718—719], говоря об их структуре, указывает лишь на то, что «многместный союз представляет собой сцепление нескольких позиционно разобщенных компонентов;

⁹ В связи со сказанным довольно трудно согласиться с определениями, которые даются в исследованиях, посвященных *не только... но и*, двум возможным порядкам слов. Порядок с фрагментом *не только* в первой позиции считается «объективным», а порядок, где этот фрагмент занимает вторую позицию, «субъективным», «экспрессивным» [Попов 1975; Завьялов 2009: 229, 247]. В данном примере можно говорить скорее об обратном.

как правило, такой союз образуется воспроизведением одного и того же или функционально близких компонентов», при этом не разъясняется, что понимается под «функционально близкими компонентами». В [Ожегов 2001] в словарной статье *только* указан союз *не только... но и (а и)*, т. е. речь идет о единой языковой единице с вариативной второй частью. Такая форма представления является наиболее распространенной и дается, как правило, без комментариев. Иная точка зрения представления в [Морковкин 1997], где в статье *не только... но и* для данного союза предлагаются синонимы *не только... а и* и *не только... даже*, однако в статье *не только* в пункте «Союзы» фигурирует запись *не только... но (а)*, исключающая данное утверждение.

Симптоматично, однако, что, какой бы точки зрения ни придерживались исследователи и лексикографы, все они исходят из априорного существования в системе русского языка союза *не только... но и*. Наиболее последовательно эта точка зрения представлена в [Завьялов 2009]. При описании структуры русских составных союзов В. Н. Завьялов опирается на понятие «исходная форма», категориальными признаками которой являются «минимальное количество компонентов, необходимых и достаточных для устойчивого функционирования союза, а также определенный, закрепленный в процессе речевой деятельности набор элементов» [Там же: 12]. Такой исходной формой для интересующего нас коннектора является, по мнению исследователя, *не только... но и*. Такой же точки зрения придерживается и Варнаева [2000: 54], для которой вариант *не только... но и* выбран в качестве репрезентативного всей парадигмы «потому, что он меньше всего обнаруживает на себе воздействие текста». Остальные формы, в которых данный союз встречается в речи, В. Н. Завьялов считает модификациями (качественными, количественными или комбинированными) данной исходной формы.

К качественной модификации, т. е. с заменой замыкающего компонента, относится вариант *не только... а и*. Сюда же, по-видимому, надо будет отнести случаи, когда частица *и* заменяется на другую частицу, например, в (27), где за *но* следует частица *даже*. Вопрос о необходимости включения частицы *и* в состав данного коннектора не обсуждается, хотя такое решение далеко не однозначно, учитывая, что частица может быть отделена от союза *но* другими элементами предложения, как, например, в (22) выше¹⁰. Случай, когда частица отсутствует, т. е. когда союз реализуется в форме *не только... но* (см. (17) и (28) выше) рассматривается исследователем как количественная модификация (т. е. сокращение числа элементов, входящих в исходную форму), а случаи, когда частица *и* отделена от союза другими словами, считаются «синтаксическим варьированием» исходной формы *не только... но и* [Завьялов 2009: 271—272].

Также как количественная модификация рассматривается форма *не только* без второго союзного компонента. Она квалифицируется Варнаевой [2000: 46] как «вариант с нулевой второй частью»; ср. (18) выше. Завьялов [2009: 283, 289] считает «полной редукцией второго компонента» только отсутствие союза для исходной формы *не только... но и и*, вслед за В. Н. Перетрухиным [1979: 123], «частичной редукцией» отсутствие союза *а* при обратном порядке следования фрагментов текста (см. в (21) выше второе употребление *не только*). Если встать на эту точку зрения, то не очень понятно, как рассматривать такие реализации коннектора, как в (32) выше, где союза нет, но во втором фрагменте текста присутствует местоименный предикат *тоже*, или (46), где также отсутствует союз *но*, но остается *и*, которое можно, впрочем, трактовать и как сочинительный союз.

(46) Немцы, говорите, помогли, да вот, понимаете, *не только* немцы, *и* мы себе помогли [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)].

К количественным модификациям, но уже с увеличением числа компонентов, следует по данной логике отнести формы, в которых *не только... но и* встречается в приведенных

¹⁰ В связи с тем, что *и* может отделяться от союза *но* или *а* другими элементами, Сигал [2004: 144] говорит о «структурной автономности» частицы *и*. См. обсуждение схожей проблемы с частицей *бы* в составе союза *если (бы)* в [Добрушина 2015].

выше примерах (15)—(16), (36). К количественному варьированию относит Завьялов [2009: 280] и форму *не только что... но и*, не включая *что* в состав исходной формы, на основании его малой частотности. Ряд исследователей видят, наоборот, в этой форме отдельный союз ([Рогожникова 1971; Перетрухин 1979; Аверина 2004] и др.), что находит отражение и в словарях [Рогожникова 2003; Ефремова 2004].

Что касается формы, в которой реализуется *не только... но и* при мене местами соединяемых компонентов (*но не только*), то она квалифицируется В. Н. Завьяловым как «трансформ» исходной формы союза. При этом отмечается, что частица *и* всегда будет отсутствовать, но что при обратной трансформации она «обычно восстанавливается» [Завьялов 2009: 195]. «Трансформ» отличается от «варианта» тем, что он образуется «при изменении порядка следования связуемых синтаксических отрезков» [Там же: 193]¹¹.

Автор также отмечает [Там же: 196], что трансформация исходной формы союза *не только... но и* — явление редкое и что она встречается обычно у его «лексико-синтаксического варианта» *не только... а и*¹². В качестве примера употребления «трансформа» *но не только* приводится такое высказывание:

(47) Давайте привлечем экспертов, *но не только* г-на Фридмана (кстати, как наши ни тужатся, он их монетаристами не признает) [Борис Титов. Выберите Сзя (2004) // «Эксперт», 2004.12.06].

На первый взгляд, здесь тоже можно говорить об отношении неединственности: в первом фрагменте текста названо множество «эксперты», в которое входит элемент «г-н Фридман», названный во втором фрагменте, вводимом *но не только*. Однако, если мы изменим порядок следования фрагментов текста, то получим высказывание (48), не равнозначное по своей семантике исходному варианту:

(48) Давайте привлечем *не только* г-на Фридмана, *но и* экспертов.

В первоначальном варианте г-н Фридман входит в множество экспертов, тогда как в (48) — нет. Во многих случаях мене местами фрагментов текста с использованием *но не только* не представляется возможной; ср., например, трансформацию (29) выше:

(49) ^{??}Это блюдо характерно для финской кухни, *но не только* для эстонской.

Здесь, таким образом, речь идет о другой семантической конфигурации, оформляемой союзом *но*, сохраняющим свою противительную семантику, и которую надо отличать еще от одного употребления *но не только*, проиллюстрированного (50) и (51):

(50) Это потому, что мне скучно и мне хочется посмотреть, что дедушка будет делать, если у него не получится. *Но не только* это. Я чувствую, что окружающим не хватает примеров дедушкиного посрамления [Фазиль Искандер. Дедушка (1966)];

(51) Пронзительная история об искренней, чистой любви... *Но не только*. В картине тонко показана настоящая духовность, как она есть — без фальши, лицемерной морали и замудрых философских построений [коллективный. Обсуждение фильма «Спешите любить» (2011)].

В данной семантической структуре *но не только* употребляется, как правило, после точки и представляет собой самостоятельное высказывание, коммуникативной целью которого является установление отношения неединственности. В некоторых случаях *не только* сопровождается различного рода анафорическими выражениями: например, указательным местоимением *это*, резюмирующим первый элемент множества (50), или *туда* (54),

¹¹ В типологии, предложенной в [Прияткина 1977], *а не только* должно считаться «формой» союза *не только... а*. К «вариантам» будут относиться такие пары, как *если... то* и *если... так*, т. е. с качественной модификацией в типологии Завьялова [Завьялов 2009].

¹² Иной точки зрения придерживается Варнаева [2000: 20—21], для которой *а не только* является вариантом как *не только... но и*, так и *не только... а и* на основании того, что все основные специфические особенности значения союза *не только... но и* сохраняются и у *а не только*.

местоимениями 3 л. *он, она, они*, отсылающими к указанным в левом контексте элементам (52), или анафорическим повтором первого элемента (53).

- (52) С Охотного ряда уходили и в губернаторы — в основном «*левые*», но не только *они*. Из нынешнего состава на уровень зам.министра ушел «нардеповец» Овчинников, да еще важный пост спецпредставителя по Калининграду приобрел другой «нардеповец» Д. Рогозин [Борис Макаренко. Новые запросы и старые партии (2003) // «ПОЛИТКОМ.РУ», 2003.04.13];
- (53) И уже не десятки тысяч и даже не десятки миллионов людей, а гигантские массы были *покорными свидетелями* уничтожения невинных. Но не только *покорными свидетелями*; когда велели, голосовали за уничтожение, гулом голосов выражали одобрение массовым убийствам [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].

Однако и это употребление *не только* нельзя считать трансформацией исходной формы *не только... но и*, так как его использование не связано с тем, что сначала вводится элемент множества со статусом данного, а затем элемент множества со статусом неизвестного¹³. Здесь оба элемента обладают статусом нового, причем второй элемент множества может остаться имплицитным:

- (54) Каждый ныряльщик может прийти, купить себе экипировку, приобрести путевку (например, в дайверскую мекку Хургаду, но не только туда), а вернувшись из поездки, отобедать с новыми друзьями тут же, в тематическом ресторане и на месте проявить и отпечатать привезенные пленки [Новости (2002) // «Автопилот», 2002.05.15].

Данная семантическая конфигурация устанавливает отношение неединственности как бы в три этапа. Сначала вводится один элемент множества со статусом нового, затем при помощи *но не только* указывается, что данный элемент не является единственным, а затем вводится еще один элемент также со статусом нового.

Подводя итог проведенному анализу, представляется возможным заключить, что выбор языкового оформления логико-семантического отношения неединственности, т. е. выбор формы его показателя, определяется коммуникативной целью говорящего, динамикой текста, а именно информацией, уже присутствующей в тексте или в фоновых знаниях говорящего и слушающего, смысловым содержанием соединяемых фрагментов текста, выбранной синтаксической формой его репрезентации и т. д. Если теперь вернуться к проблеме категориального статуса языковых средств оформления отношения неединственности и к понятию «исходной формы», так, как ее определяет В. Н. Завьялов («минимальное количество компонентов, необходимых и достаточных для устойчивого функционирования союза, а также определенный, закрепленный в процессе речевой деятельности набор элементов» [Завьялов 2009: 12]), то легко заметить, что таким минимальным и достаточным количеством элементов, обеспечивающим выражение отношения неединственности, является *не только*. Не случайно словари служебных слов (например, [Морковкин 1997] и [Ефремова 2004]) посвящают ему отдельную словарную статью, где и описывается это его значение.

Важно при этом, что *не только* не только не предопределяет того, каким языковым средством будет введен второй фрагмент текста и в какую синтаксическую структуру он будет оформлен, но не задает также и его обязательности: второй фрагмент, описывающий еще

¹³ Данное употребление *но не только* надо также отличать от такого употребления, где *но* не связано с *не только*, а составляет часть более крупной семантической структуры; ср.:

(Начните с головы), **но** (*не только* с прически, а также и с настроения — скажите себе, что вы красивы, просто сейчас отдыхаете от своей красоты) [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)].

Здесь *но* связывает противительно-уступительным отношением два фрагмента текста, второй из которых, в свою очередь, представляет собой два фрагмента текста, связанных отношением неединственности.

один элемент множества или само множество, может остаться имплицитным; см. приведенные выше (19) и (54), а также (55), где после фрагмента текста, маркированного *не только*, стоит *кроме того*, показатель другого логико-семантического отношения.

- (55) Однако направленность строительства и подготовки Вооруженных сил США и НАТО совсем иная. И, конечно, *не только* для борьбы с терроризмом создаются армады авианосцев, стратегические вооружения, крупные группировки ВВС и сухопутных войск. *Кроме того*, события последнего времени наглядно свидетельствуют, что террористы не всегда будут действовать только мелкими группами [Махмут Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия // «Отечественные записки», 2003].

Вряд ли, однако, при отсутствии второго фрагмента текста целесообразно говорить об омонимии (как, например, в рассмотренных выше различных случаях употребления сочетания *но не только*), полагая, что в данном случае употреблена частица *не только* и противопоставляя ее первой части союза *не только*, как это предлагают словари и некоторые исследования (в частности, [Завьялов 2009: 293] и [Ефремова 2004]). *Не только* всегда указывает на коммуникативную недостаточность вводимой им информации, создавая у слушающего ожидание продолжения в силу того, что выделяемый им элемент интерпретируется как неединственный. И это продолжение не обязательно должно быть оформлено в виде отношения включения во множество. Ср. довольно распространенный случай «контаминации» двух разных логико-семантических отношений:

- (56) При этом способность устанавливать тот или иной характер связи зависит *не только* и *не столько* от определенных контекстуальных условий, *сколько* от внутренней природы самих союзных наречий, которые характеризуются большим разнообразием.

Этими свойствами (незаданностью оформления и факультативностью второго фрагмента текста, входящего в отношение неединственности) *не только* отличается, например, от относительных конструкций, оформляемых *насколько... настолько, сколько... столько*, где необходимость продолжения и его оформление заранее предопределены системой языка, как, например, в (57):

- (57) *Насколько* я охотно и радостно принимаюсь за музыкальное сочинительство, *насколько* трудно дается мне литературное [П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк (1879)].

В отличие от грамматических правил, правила дискурсивные дают говорящему свободу выбора в рамках предоставляемых языком возможностей. Н. С. Валгина [2001: 281] справедливо замечает, что компоненты *не только... но и* взаимно связаны «по употреблению» для репрезентации определенным образом структурированного смыслового содержания¹⁴. Функцию союзов *но* или *а* при союзной реализации отношения неединственности можно определить как:

- демаркативную, так как союзы сигнализируют границу между фрагментами текста, связанными отношением неединственности;
- интегрирующую, так как союзы включают данные фрагменты текста в синтаксическую конструкцию: простое предложение с однородными членами или, реже, сложное предложение. Еще реже фрагмент текста, вводимый союзом, оформлен как самостоятельное предложение, ср. (58):

- (58) Зулло любил, конечно. Но *не только* как жену. *А еще* потому что — дочь [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)].

¹⁴ Ср. также в [Сигал 2004] экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что правила выбора оформления второго компонента в двухместных союзах определяются не грамматикой, а устойчивостью употребления («прагмасинтаксические стереотипы») и структурой текста. К аналогичным выводам приходит [Montchaud 2015] на примере французского языка.

При невозможности или, что очень важно, ненужности такой интеграции, союзы отсутствуют (59), и их часто заменяет тире (60)—(61), которому в устной речи будет соответствовать пауза:

- (59) Причем, как я сегодня убедилась, в контроле нуждаются *не только* подростки... если бы я мужа не оторвала от компа, он бы опоздал на работу [Наши дети: Подростки (2004)];
- (60) Они так много сказали мне... К сожалению, *не только* мне — возле меня стояли почти все наши сотрудницы [Я желанна. Разве это стыдно? // «Даша», 2004];
- (61) Впрочем, техника *не только* приводит к падению навыков грамотного письма — она *же и* помогает писать грамотно [И. Левонтина. Русский со словарем. М., 2012].

К. Я. Сигал [2004: 143—144] даже считает бессоюзные реализации отношения неединственности наиболее частым случаем, подчеркивая, что они не всегда могут быть преобразованы в простые, осложненные сочинительной конструкцией предложения с союзом *не только... но и*. Это, на наш взгляд, является дополнительным аргументом против рассмотрения формы *не только* как редукции исходной формы *не только... но и*.

Других языковые единицы, в частности, частицы, употребляющиеся в сочетании с союзами или без них во фрагменте текста, не маркируемом *не только*, привносят различные дополнительные семантические оттенки, развивающие идею соотношения элемента и множества в соответствии с коммуникативным замыслом говорящего.

Таким образом, если считать, что *не только*, показатель отношения неединственности, связан со всеми другими возможными показателями данного отношения, появляющимися во втором фрагменте текста, лишь «по употреблению», то многие вопросы относительно тождества и категориального статуса языковых единиц, близких в содержательном плане, но частично отличающихся в структурном, попросту снимаются, а использование терминов «редукция» и «трансформация» становится неоправданными. Такой подход позволяет, в частности, избежать натянутых трактовок коннекторов, весьма далеких по форме и по содержанию, как «вариантов» одного союза, как это предлагается, например, в [Варнаева 2000: 68, 82] для *не просто... но и*, который считается «вариантом» с модифицированной первой частью союза *не только... но и*.

Все возможные речевые реализации отношения неединственности должны рассматриваться не как единицы языка, а как единицы речи и объединяться в единый структурно-семантический комплекс, образованный вокруг исходной, минимальной, единицы *не только*, семантика которой достаточна для выражения этого логико-семантического отношения¹⁵.

¹⁵ Несмотря на некоторые сходные положения, наш подход принципиально отличается от подхода, представленного в работах В. Ю. Апресян, посвященных «концепту уступительности», где языковые единицы, выражающие данное понятие, также организуются вокруг исходной единицы, «прототипа» данного понятия, и описываются как «семантические нарушения» [Апресян 2006: 617]. Основных отличий два. Во-первых, как уже отмечалось, мы рассматриваем не «понятия» или «концепты» и способы их представления в русском языке, а логико-семантические отношения. Эти семантические классы могут быть как непересекающимися (например, класс языковых средств выражения концепта «достоинства и смирения» не имеет в своем составе коннекторов), так и пересекающимися, например, класс языковых средств, выражающих «концепт уступительности», и класс языковых средств, выражающих «уступительные логико-семантические отношения». Но эти два класса входят тем не менее в разные парадигмы и состав их различен: состав показателей логико-семантического отношения уступительности ограничивается единицами, способными выполнять связующую функцию между частями предложения, предложениями и более крупными единицами текста. Во-вторых, рассматривая средства выражения понятия уступительности, прототипом которого считается коннектор *хотя*, В. Ю. Апресян не затрагивает в своих работах вопроса вариативности их формы. Так, описывая показатель уступительности *добро бы*, автор как бы не замечает, что в приводимых примерах он выступает также в форме *добро бы... а*, *добро бы... а то*. Сравнивая предлагаемое для «лексемь» *добро бы* толкование с толкованием союза *добро бы... а то*, предлагаемым В. З. Санниковым [2008: 334], В. Ю. Апресян никак не комментирует различия в форме этих языковых единиц [Апресян

Число речевых реализаций отношения неединственности — и не только его — определить невозможно, также как невозможно задать их исчерпывающим списком: говорящий часто буквально ‘по кирпичикам’ (которые уже сами могут представлять собой многокомпонентные единицы) собирает необходимый для его коммуникативного замысла показатель логико-семантического отношения. Можно только предсказать семантику единиц, способных потенциально участвовать в оформлении второго фрагмента текста, так как их выбор происходит из числа языковых единиц, семантически совместимых с отношением неединственности: ими могут быть лексемы, выражающие добавление (*еще*), обобщение (*вообще, в основном*) или, наоборот, спецификацию (*например*), аналогию (*и, также, тоже*) и под. Наоборот, языковые единицы, выражающие разделительные (*или*) или пояснительные отношения (*то есть, а именно*), не могут принимать участия в оформлении отношения неединственности. Вопрос сочетаемости языковых единиц приобретает таким образом первостепенную важность при анализе многокомпонентных коннекторов и многокомпонентных служебных единиц вообще.

Кроме того, и это немаловажно, русский язык обладает и другими языковыми средствами для выражения логико-семантического отношения неединственности: союз *но и*, но на этот раз вне сочетания с *не только* (62), семантическая конфигурация с *не один* + существительное или местоимение (63), *мало того что* (64) и др.

- (62) Милая моя! Прости, что я тебя обижала! *Но и ты тоже* падла порядочная всегда была! [Николай Коляда. Мурлин Мурло (1989)];
- (63) Естественно, в этом приятном на вид и на ощупь томике *не один* «Заповедник», *а и* «Зона», и «Филиал», и другое [Юлия Рахаева. Звездное наследие и тайная доктрина. Книжки (2002) // «Известия»];
- (64) Рома не звонил, я, естественно, не звонила ему, но, по слухам, он был не очень счастлив с женой, которая *мало того, что* была редкой занудой, *еще* и гуляла налево и направо, как говорили друзья... [Ольга Зуева. Скажи что я тебе нужна... // «Даша», 2004].

Интересно, что между *один* и следующим за ним местоимением или существительным может вклиниваться *не только*:

- (65) Профессия юриста *не одному только* Уилки Коллинзу, *но и* множеству других английских писателей дала огромный материал для романов [М. С. Шагинян. Коротко об Уилки Коллинзе (1947)].

Завьялов [2009: 272] считает такие случаи «синтаксическим варьированием» первого компонента союза *не только... но и*. Целесообразность такого решения вызывает сомнения, поскольку тогда становится неясным, как следует трактовать случай, представленный в (63) выше: тоже как результат «комбинированного варьирования» (качественного и количественного) исходной формы *не только... но и*? Но каковы тогда пределы такого варьирования, когда уже нельзя говорить о тождестве двух языковых единиц?

Заключение

Проблема тождества и вариативности двухместных коннекторов типа *не только... но и* (сюда же можно отнести *не то чтобы... но, не просто... а*) может получить непротиворечивое и системное решение, если разделить понятийный и языковой уровень их анализа: тип выражаемого коннектором логико-семантического отношения и языковые средства,

2006: 646—647]. Таким образом, вопрос о категориальном статусе близких по форме показателей одного и того же «концепта», о тождестве языковых единиц и их варьировании, остается за пределами данного подхода, который не различает единицы, принадлежащие системе языка, и единицы, принадлежащие системе речи, тогда как именно это различие лежит в основе предлагаемого нами в настоящем исследовании подхода.

которыми располагает язык для его выражения. Семантика отношения, устанавливаемого *не только... но и*, позволяет определить его как отношение неединственности, один из видов отношения соотнесения элемента и множества, для которых мы предлагаем термин «мереологические отношения».

Как было показано, логико-семантическое отношение неединственности может быть выражено в русском языке целым рядом средств, семантика которых с ним совместима. Одним из таких показателей является частица *не только*, вокруг которой формируется структурно-семантический комплекс с системно упорядоченными языковыми единицами, участвующими в речевых реализациях данного отношения. Особенности функционирования каждого из них требуют дополнительных исследований, но уже сейчас можно заметить, что некоторые из них используются говорящим для оформления отношения неединственности в виде простого предложения с однородными членами, становясь таким образом обязательной формой ее оформления. К таким случаям можно отнести, например, появление в составе простого предложения во втором фрагменте союзов *а* или *но*, часто в сопровождении частицы *и* аналогии или *также*. Другие — при оформлении данного отношения в виде сложного предложения. Функцию сочинительных союзов, вводящих второй фрагмент текста, мы определили как демаркационную и интегрирующую. При отсутствии показателя связи во втором фрагменте текста, т. е. немаркированным *не только*, функцию обеспечения смыслового единства берут на себя другие языковые средства, из числа обеспечивающих связность текста вообще: синтаксический параллелизм частей, анафорические повторы, употребление лексем, связанных семантическими отношениями, закрепленными системой языка (синонимия, антонимия, гипонимия и т. п.).

Связь частицы *не только*, которая может быть квалифицирована как исходная форма для выражения логико-семантического отношения неединственности, со средствами оформления второго фрагмента текста, участвующего в установлении данного отношения, задается не грамматической системой русского языка, а выбирается говорящим исходя из его коммуникативного замысла. К факторам, влияющим на этот выбор, можно отнести структуру предшествующего текста, смысловое содержание, которое говорящий хочет выразить, выбранную для его репрезентации синтаксическую структуру, коммуникативный статус сообщаемой информации, семантику показателей логико-семантического отношения и т. д. Поэтому более продуктивно, на наш взгляд, считать языковые средства, участвующие в оформлении отношения неединственности, в том числе коннектор *не только... но и*, не фразами или союзами, принадлежащими системе языка, а речевыми реализациями, т. е. более или менее свободными сочетаниями языковых единиц разной морфологической природы, которые говорящий использует для выражения необходимого ему логико-семантического отношения.

Такой подход тем более оправдан, что, как было показано, правила оформления второго фрагмента текста подчиняются общим закономерностям выбора и комбинации слов при организации высказывания, а не воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава. Это означает, что в случае речевых реализаций логико-семантического отношения неединственности с участием *не только* мы наблюдаем ситуацию, обратную той, которая характерна для употребления фразеологизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аверина 2004 — Аверина М. А. Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов-союзов. Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: ЧГПУ, 2004. [Averina M. A. *Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye svoistva frazeologizmov-soyuzov. Kand. diss.* [Structural semantic and functional characteristics of conjunctions-phraseological units. Cand. diss.] Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical Univ., 2004.]
- Апресян 2006 — Апресян В. Ю. Концепт уступительности в языке // Апресян Ю. Д. (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 615—710.

- [Apresjan V. Yu. A concept of “concession” in language. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografija*. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2006. Pp. 615—710.]
- Апресян, Пекелис 2011 — Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Союз. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (Русграм, <http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011. [Apresyan V. Yu., Pekelis O. E. *Soyuz. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Conjunction. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar] (Rusgram, <http://rusgram.ru>). As manuscript. Moscow, 2011.]
- Белошапкина 1997 — Белошапкина В. А. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1997. [Beloshapkina V. A. *Sovremenniy russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1997.]
- Богуславский 1996 — Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М.: Языки русской культуры, 1996. [Boguslavskii I. M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinits* [The scope of lexical items]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Богуславский 2010 — Богуславский И. М. Сочинительные союзы и синтаксические конфликты // Апресян Ю. Д. (ред.). Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 226—280. [Boguslavskii I. M. Coordinating conjunctions and syntactic conflicts. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovary*. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010. Pp. 226—280.]
- Валгина 2001 — Валгина Н. С. Современный русский язык. Учебник для вузов. М.: Логос, 2001. [Valgina N. S. *Sovremenniy russkii yazyk. Uchebnik dlya vuzov* [Modern Russian language. A manual for universities and colleges]. Moscow: Logos, 2001.]
- Варнаева 2000 — Варнаева А. Е. Значение и функции союза «НЕ ТОЛЬКО... НО И» в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Орел: ОГУ, 2000. [Varnaeva A. E. *Znachenie i funktsii soyuza «NE TOL'KO... NO I» v sovremennom russkom yazyke. Kand. diss.* [Meaning and functions of the conjunction «NE TOL'KO... NO I» in modern Russian]. Ore: Orel State Univ., 2000.]
- Виноградов 1947 — Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. [Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. A grammatical theory of the word]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1947.]
- Всеволодова, Лим 2002 — Всеволодова М. В., Лим С. Е. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов. На материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М.: Макс Пресс, 2002. [Vsevolodova M. V., Lim S. E. *Printsipy lingvisticheskogo opisaniya sintaksicheskikh frazeologizmov. Na materiale sintaksicheskikh frazeologizmov so znacheniem otsenki* [Principles of linguistic description of syntactic phraseological units. As exemplified in syntactic phraseological units with the meaning of evaluation]. Moscow: Maks Press, 2002.]
- Галкина-Федорук и др. 2009 — Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. Синтаксис. М.: УРСС, 2009. [Galkina-Fedoruk E. M., Gorshkova K. V., Shanskii N. M. *Sovremenniy russkii yazyk. Sintaksis* [Modern Russian language. Syntax]. Moscow: URSS, 2009.]
- Гвоздев 1953 — Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. М.: Просвещение, 1953. [Gvozdev A. N. *Sovremenniy russkii literaturnyi yazyk* [Modern standard Russian]. Moscow: Prosveshchenie, 1953.]
- Добрушина 2015 — Добрушина Н. Р. Показатель сослагательного наклонения как часть союза // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27—30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21). М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 118—130. [Dobrushina N. R. The index of conjunctive as part of the conjunction. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Moscow, May 27—30, 2015). No. 14 (21). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2015. Pp. 118—130.]
- Дровникова 1980 — Дровникова Л. Н. Своеобразие союза НЕ ТОЛЬКО... НО И в современном русском языке // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток: ДГУ, 1980. С. 73—84. [Drovnikova L. N. Distinction of the conjunction NE TOL'KO... NO I in modern Russian. *Sintaksicheskie svyazi v russkom yazyke*. Vladivostok: Dal'nevostochnyi State Univ., 1980. Pp. 73—84.]
- Дудко 2008 — Дудко Л. Н. Система временных союзов, употребляющихся в конструкциях со значением следования. Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2008. [Dudko L. N. *Sistema vremennykh soyuzov, upotrebyayushchikhsya v konstruktsiyakh so znacheniem sledovaniya. Kand. diss.* [A system of temporal conjunctions used in patterns with the meaning of consecution]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2008.]
- Ефремова 2004 — Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Астрель-Аст, 2004. [Efremova T. F. *Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian auxiliary parts of speech]. Moscow: Astrel'-Ast, 2004.]

- Завьялов 2009 — Завьялов В. Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры союзов в современном русском языке. Дис. ... докт. филол. наук. Владивосток: ДГУ, 2009. [Zav'yalov V. N. *Morfologicheskie i sintaksicheskie aspekty opisaniya struktury soyuzov v sovremennom russkom yazyke*. Dokt. diss. [Morphological and syntactic aspects of conjunction structure description in modern Russian. Doct. diss.] Vladivostok: Far Eastern Federal Univ., 2009.]
- Згурская 2000 — Згурская О. Г. Функционирование синтаксических конструкций с градационными союзами в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: РГПУ, 2000. [Zgurskaya O. G. *Funktsionirovanie sintaksicheskikh konstruksii s gradatsionnymi soyuzami v sovremennom russkom yazyke*. Kand. diss. [Functioning of syntactic patterns with gradation conjunctions in modern Russian. Cand. diss.] St. Petersburg: Herzen State Pedagogical Univ., 2000.]
- Инькова-Манзотти 2001 — Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование. М.: Информэлектро, 2001. [Inkova-Manzotti O. Yu. *Konnektory protivopostavleniya vo frantsuzskom i russkom yazykakh*. *Sopostavitel'noe issledovanie* [Connectors of opposition in French and Russian. A comparative study]. Moscow: Informelektro, 2001.]
- Инькова 2013 — Инькова О. Ю. О семантике так называемых градационных союзов *не столько... сколько и скорее... чем* // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 38—52. [Inkova O. Yu. On the semantics of the so called gradation conjunctions *ne stol'ko... skol'ko* and *skoree... chem*. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 1. Pp. 38—52.]
- Инькова 2015 — Инькова О. Ю. К вопросу о лемматизации многокомпонентных единиц // Захаров В. П. и др. (ред.). Труды международной конференции «Корпусная лингвистика 2015», Санкт-Петербург, 22—26 июня 2015 года. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 236—244. [Inkova O. Yu. About the lemmatization of the multiword expressions. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika 2015»*, St. Petersburg, June 22—26, 2015. Zakharov V. P. et al. (eds). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2015. Pp. 236—244.]
- Киселева 1967 — Киселева Н. М. Парные союзы с компонентом «не только...» в современном русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. М.: МГПИ, 1967. С. 114—128. [Kiseleva N. M. Paired conjunctions with the component «ne tol'ko...» in modern Russian. *Voprosy leksiki i grammatiki russkogo yazyka*. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute, 1967. Pp. 114—128.]
- Клопова 1986 — Клопова Е. С. Способы синтаксической дифференциации членов сочинительного ряда. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ, 1986. [Kloпова E. S. *Sposoby sintaksicheskoi differentsiatsii chlenov sochinitel'nogo ryada*. Kand. diss. [Ways of syntactic differentiation of coordinate sequence members. Cand. diss.] Moscow: Moscow State Pedagogical Institute, 1986.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. [Kovtunova I. I. *Sovremennyy russkii yazyk*. *Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian language. Word order and thematic-rhematic articulation of the sentence]. Moscow: Prosveshchenie, 1976.]
- Колесникова 1999 — Колесникова С. М. Градуальный фрагмент языковой картины мира сквозь призму словообразования. М.: МГГУ, 1999. [Kolesnikova S. M. *Gradual'nyi fragment yazykovoi kartiny mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya* [A gradual fragment of the linguistic world image in the light of word formation]. Moscow: Moscow State Univ. for the Humanities, 1999.]
- Крючков, Максимов 1977 — Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1977. [Kryuchkov S. E., Maksimov L. Yu. *Sovremennyy russkii yazyk*. *Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [Modern Russian language. Syntax of the complex sentence]. Moscow: Prosveshchenie, 1977.]
- Ломтев 1971 — Ломтев Т. П. Квантитативы современного русского языка // Костомаров В. Г. (ред.). Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 106—116. [Lomtev T. P. Quantitatives of the modern Russian language. *Pamyati akademika Viktora Vladimirovicha Vinogradova*. Kostomarov V. G. (ed.). Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1971. Pp. 106—116.]
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- Ляпон 1986 — Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. [Lyapon M. V. *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst: K tipologii vnutritekstovyykh otnoshenii* [Semantic structure of the complex sentence and text: A typology of intratextual relations]. Moscow: Nauka, 1986.]

- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Евгеньевой А. П. М.: Русский язык, 1981. [*Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: In 4 vol. Evgen'eva A. P. (ed.). Moscow: Russkii Yazyk, 1981.]
- Мельчук 2001 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. IV. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Mel'čuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [A course of general morphology]. Vol. IV. Moscow: Yazyki Slavyanskoï Kul'tury, 2001.]
- Морковкин 1997 — Морковкин В. В. (ред.). Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997. [Morkovkin V. V. (ed.). *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of structural words of the Russian language]. Moscow: Lazur', 1997.]
- Мустайоки, Копотев 2004 — Мустайоки А., Копотев М. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа *потому что*, в зависимости от, к сожалению // Вопросы языкознания. 2004. № 3. С. 88—107. [Mustaioki A., Kopotev M. On the status of word-equivalents of the type *potomu chto*, в зависимости от, к сожалениyu. *Voprosy jazykoznanija*. 2004. No. 3. Pp. 88—107.]
- Николаева 1985 — Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М.: Наука, 1985. [Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii* [Functions of particles in the utterance]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Николаева 2008 — Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика (история «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008. [Nikolaeva T. M. *Neparadigmaticheskaya lingvistika (istoriya «bluzhdayushchikh chastits»)* [Non-paradigmatic linguistics (history of the «wandering particles»)]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru.]
- Ожегов 2001 — Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Шведовой Н. Ю. М.: Русский язык, 2001. [Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Russkii Yazyk, 2001.]
- Панкова 2007 — Панкова В. В. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом местоимением: Язык и речь (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2007. [Pankova V. V. *Frazeosintaksicheskie skhemy s opornym komponentom mestoimeniem: Yazyk i rech' (na materiale russkogo yazyka)*. *Kand. diss.* [Phraseosyntactic patterns with a pronoun as a basic component. Language and speech (based on the Russian material). *Cand. diss.*]. Rostov-na-Donu: Southern Federal Univ., 2007.]
- Перетрухин 1979 — Перетрухин В. Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Воронеж: ВГУ, 1979. [Peretruxhin V. N. *Problemy sintaksisa odnorodnykh chlenov predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Problems of syntax of homogeneous parts of the sentence in Modern Russian]. Voronezh: Voronezh State Univ., 1979.]
- Петерсон 1952 — Петерсон М. И. Союзы // Виноградов В. В. (ред.). Современный русский язык. Морфология. М.: МГУ, 1952. С. 432—452. [Peterson M. I. Conjunctions. *Sovremennyi russkii yazyk. Morfologiya*. Vinogradov V. V. (ed.). Moscow: Moscow State Univ., 1952. Pp. 432—452.]
- Попов 1975 — Попов Ф. В. Отрицательно-утвердительные союзы в современном русском языке // Русский язык в школе. 1975. № 5. С. 85—89. [Popov F. V. Negative-affirmative conjunctions in Modern Russian. *Russkii yazyk v shkole*. 1975. No. 5. Pp. 85—89.]
- Прияткина 1977 — Прияткина А. Ф. Об отличии союза от других связующих слов // Русский язык в школе. 1977. № 4. С. 102—106. [Priyatkina A. F. On the difference between the conjunction and other connecting words. *Russkii yazyk v shkole*. 1977. No. 4. Pp. 102—106.]
- Распопов 1970 — Распопов И. П. Стрoение простого предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1970. [Raspopov I. P. *Stroenie prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Simple sentence structure in Modern Russian]. Moscow: Prosveshchenie, 1970.]
- РГ-70 — Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Шведовой Н. Ю. М.: Наука, 1970. [*Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A grammar of the Modern Standard Russian language. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1970.]
- РГ-80 — Русская грамматика / Под ред. Шведовой Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Рогожникова 1971 — Рогожникова Р. П. Градационные союзы в русском языке // Русский язык в школе. 1971. № 3. С. 84—89. [Rogozhnikova R. P. Gradation conjunctions in Russian. *Russkii yazyk v shkole*. 1971. No. 3. Pp. 84—89.]
- Рогожникова 2003 — Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: Астрель-АСТ, 2003. [Rogozhnikova R. P. *Tolkovyi slovar' sochetanii, ekvivalentnykh slovu* [Explanatory dictionary of constructions equivalent to the word]. Moscow: Astrel'-AST, 2003.]

- Руднев 1963 — Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1963. [Rudnev A. G. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of the Modern Russian language]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1963.]
- Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в формально-прагматическом аспекте. М.: Языки русской культуры, 2008. [Sannikov V. Z. *Russkii sintaksis v formal'no-pragmaticheskom aspekte* [Russian syntax in the formal pragmatic perspective]. Moscow: Yazyki Russkoj Kul'tury, 2008.]
- Сигал 2004 — Сигал К. Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). Дис. ... докт. филол. наук. М.: ИЯ РАН, 2004. [Sigal K. Ya. *Sochinitel'nye konstruksii v tekste: opyt teoretiko-eksperimental'nogo issledovaniya (na materiale prostogo predlozheniya)*. Dokt. diss. [Coordinating constructions in the text: a theoretic-experimental study (based on the material of simple sentences). Doct. diss.] Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2004.]
- Формановская 2007 — Формановская Н. И. Стилистика сложного предложения. М.: КомКнига, 2007. [Formanovskaya N. I. *Stilistika slozhnogo predlozheniya* [Stylistics of the complex sentence]. Moscow: KomKniga, 2007.]
- Черемисина, Колосова 2010 — Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. М.: УРСС, 2010. (1-е изд. Новосибирск: Наука, 1987). [Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [An outline of the complex sentence theory]. Moscow: URSS, 2010. (1st ed. Novosibirsk: Nauka, 1987).]
- Шахматов 1941 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1941. [Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Leningrad: Gosudarstvennoe Uchebno-Pedagogicheskoe Izdatel'stvo, 1941.]
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960. [Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi* [Studies of the syntax of the Russian colloquial language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960.]
- Шмелев 1960 — Шмелев Д. Н. О связанных синтаксических конструкциях в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47—60. [Shmelev D. N. On «connected» syntactic constructions in Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 1960. No. 5. Pp. 47—60.]
- Ducrot 1984 — Ducrot O. *Le dit et le dire*. Paris: Editions de Minuit, 1984.
- Fraser 2013 — Fraser B. Combinations of contrastive discourse markers in English. *International Review of Pragmatics*. 2013. No. 5. Pp. 318—340.
- Montchaud 2015 — Montchaud P. Reciprocal connection in French. *Young Minds vs. Old Questions in Linguistics: Proceedings of the Fourth Central European conference in linguistics for postgraduate students*. Bondaruk A., Bloch-Rozmej A., Malec W., Mokrosz E., Zdziebko S. (eds). Lublin: The Institute of East-Central Europe and the John Paul II Catholic Univ. of Lublin, 2015. Pp. 139—155.
- Peirce 1981 — Peirce C. S. On a method of searching for the categories. *Writings of Charles S. Peirce. A chronological edition*. Vol. 1. Bloomington: Indiana University Press, 1981. Pp. 515—528.
- Svensson 2012 — Svensson M. *Marqueurs corrélatifs en français et en suédois. Étude sémantico-fonctionnelle de d'une part... d'autre part, d'un côté... de l'autre et de non seulement... mais en contraste*. Uppsala: Uppsala Univ., 2012.

Статья поступила в редакцию 29.07.2015.